

Сны смешных людей. Достоевский и Ницше.

Тоска по раю – мечта человека не быть человеком
Милан Кундера

Однажды Диоген вылез из своего жилища – бочки – среди ясного дня с зажженным фонарем и стал что-то или кого-то искать. Один из прохожих спросил его: «Что ты ищешь, Диоген?» И философ ответил: «Ищу Человека!»[1, С.91]. По сути, вся философия от истоков до сегодняшнего дня ищет этого самого Человека. Что же представляет собой этот Человек? Имен у него много, а суть одна – это идеал. Диоген искал Человека, Платон искал идеальное государство, христианство искало рая. Время шло, и теперь у Человека другие имена – теперь Достоевский ищет всечеловека, а Ницше – своего сверхчеловека, свой рай на земле.

Поиски идеала шли всегда, стремление к наилучшему всегда руководило философами, да и простыми людьми, но их отношение различалось в корне. Иногда возникала пропасть непонимания между теми, кого впоследствии окрестили гениями и теми, кого называют толпой. Их взаимоотношения очень сложны, так же сложны отношения к тем новым идеям, новым словам, новым воплощениям рая, которые философы, писатели – одним словом, творцы – пытаются донести до всех людей.

И Достоевский, и Ницше жили в мире христианском, пусть даже отношение к нему у них было явно не однозначным, и образ рая не мог не сказаться на их мировоззрении. Во «Сне смешного человека» Достоевский описывает идеальный мир, в который попадает его герой, перенесенный неким существом (но не Богом!) туда во сне. «Всюду сияло каким-то праздником и великим, святым и достигнутым наконец торжеством. Птички стадами перелетали в воздухе и, не боясь меня, садились мне на плечи и на руки и радостно били меня своими милыми, трепетными крылышками. И наконец, я увидел и узнал людей

счастливой земли этой. Они пришли ко мне сами, они окружили меня, целовали меня» [2, С.790]. Вот этот образ, который как будто навсегда запечатлен в сердце каждого человека.

Образ рая, идеала и отношение к нему постоянно менялись на протяжении столетий. В Средние века в существование рая как идеала верили и верили настолько, что малейшее неверие вызывало протест или даже приводило к весьма печальным последствиям для сомневающегося. Но в течение нескольких веков произошло радикальное изменение отношения к христианскому идеалу – появляется смех над ним, смех как форма неверия и нежелания ориентироваться на него. Теперь тех, кто верил в рай, высказывал какие-то мысли по поводу идеала, считали чудаками, а уж тем более тех, кто говорил о появлении нового человека. Человек, которого искал еще Диоген, по сути, не существует, это человек из рая, из места, которое для нас закрыто. Что оно закрыто – показывает опять-таки во «Сне смешного человека» Достоевский. Стоило там появиться человеку, как рай попросту исчез, а точнее превратился в обычный мир, к которому все привыкли, в котором существует то, от чего хотят отказаться Диоген, Достоевский, Ницше, Христос – многие. Рай эфемерен, это лишь иллюзия в нашем сознании, идеал, мечта. Стремление найти рай оказывается неосуществимым в этом мире, рай принципиально невозможен. Невозможен именно для человека, потому что где бы тот ни появился, будет то, что должно было быть, даже если все будет совсем не так, как мечталось и снилось.

Искать рай, искать Человека – значит мечтать о том, чтобы самому не быть человеком. Безумная мечта. Вечная мечта, преследующая людей едва ли не с начала их появления. Но все мы просыпаемся, как проснулся герой «Сна смешного человека». Только кто-то верит в сон, а кто-то смеется над верой в то, что в снах приходит истина. Достоевский и Ницше верили. «Сон? Что такое сон? А наша-то жизнь не сон? Больше скажу: пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже этого я понимаю!), - ну, а я все-таки буду проповедовать!»[2, С.800], - восклицает Достоевский. «Этот мир чистых *фигиций* сильно отличается не в свою пользу от мира грез именно тем, что

последний *отражает* действительность, тогда как *первый* извращает ее, обесценивает, отрицает» [3, С.268], - это пишет Ницше. Оба писателя, таким образом, считали сны более реальными, чем ту жизнь, которую проживают поколения – одно за другим. Да, они понимают, что сон пусть и не сбудется, но надо верить в него, надо чувствовать его и жить так, как чувствуется. И чтобы так жить, нужна надежда. Ведь верить в то, что никогда не сбудется, знать это, но продолжать жить *вопреки* – такой силой обладает далеко не каждый. «Надежды – сны бодрствующих» [1, С.90], говорит еще в античности Платон. И сон Ницше и Достоевского продолжается и наяву, потому что они верят, верят в идеал, в мечту. Изменяя мир, начинать с себя – это мечта сделать может.

Реальность и для Ницше, и для Достоевского была настолько неприглядна, что они стремились уйти в другой мир, мир идеала, мир сна, где ужасов действительной жизни не было бы. В этом смысле их можно назвать романтиками. И именно чувство они ставили над разумом, жизнь - над рассуждениями о ней. Свобода, любовь – главные ценности для них, как и для романтиков. Сон, мечта – повод жить, повод надеяться, повод бороться. И борьба, прежде всего, идет именно с реальностью. Сон помогает взглянуть за грань существующего и обыденного – всего, что было так ненавистно обоим мыслителям. Именно во сне приходит истина, как пришла она во сне и к Заратустре, и к герою «Сна смешного человека». Вся жизнь, действительно, как сказал Достоевский, сон.

Это был сон для Достоевского и Ницше, а как же воспринимали их сон другие?

Ницше говорил, что образ Христа подлинно сумел понять русский писатель. Понять и воплотить в князе Мышкине – герое романа «Идиот». Ницше так и писал, что «идиот» - лучшее слово для определения сути Иисуса. Но и самих Достоевского и Ницше называли не иначе как умалишенными, идиотами. Достоевский во «Сне смешного человека» пишет о своем безымянном герое: «Я смешной человек. Они меня называют теперь сумасшедшим. Это было бы повышение в чине, если б я все еще не оставался для них таким же смешным, как и прежде. Но теперь уж я не

сержусь, теперь они мне все милы, и даже когда они смеются надо мной – и тогда чем-то даже особенно милы» [2, С.779]. По сути, здесь писатель описал отношение к себе самому, а заодно и к Ницше, которого так же считали больным человеком. Смешным человеком. Смешные люди – Достоевский и Ницше. Почему же смешные для других? Сам Ницше писал: «Обратимся к себе. Мы гипербореи – мы достаточно хорошо знаем, как далеко в стороне мы живем от других» [3, С. 257] Он считал себя совершенно другим человеком, нежели остальные. Почему же эти остальные смеялись над ними?

Именно желание найти рай, сказать это новое слово, достичь идеала вызывает смех окружающих. Смех как неверие, как насмешка над несбыточным. Легче смеяться над чем-то, считая его недостижимым, чем сделать всё, чтобы достичь этого в реальности. Но удивляться тут нечему: над теми, кто хотел изменить порядок, внося что-либо новое, смеялись всегда. С Христом, образ которого волновал и Достоевского, и Ницше, было так же. Такая судьба была и у героя «Сна смешного человека». Они знали истину, которую хотели донести до других, а над ними смеялись. Здесь смех выступает как неверие, как защитная реакция людей на стремление сломать их привычный мир, раздвинуть привычные рамки жизни. Толпа плохо поддается такому радикальному изменению, настолько сильна привычка, а Достоевский и Ницше хотели искоренить именно эту привычку *так* жить. Они хотели найти этот, образно говоря, рай на земле, нового человека, лучшего человека. Но люди в большинстве своем, мечтая о том же, на деле лишь смеются над возможностью рая и называют идиотами тех, кто находит этот рай или говорит о нем. Людям не быть людьми нельзя. Даже если рай будет лежать перед ними, они ни за что не выберут эту дорогу, они будут лучше тосковать по ней, свернув в сторону. Проще рассмеяться, проще мечтать, как у Ницше – проще любить того, кто дальше.

Люди пытались понять Достоевского и Ницше логикой, точностью рассудка, найти рамки, но не смогли, не нашли этих рамок и...засмеялись. «Истина вовсе не в точности: она в ценности. Мы живы цельностью постижения жизни, а не методологическим шкафом с сотнями перегородок. Только в

Мастюгина О.С. Сны смешных людей. Достоевский и Ницше.

1335442

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА 17

Уральского Государственного университета

г.Екатеринбург

творчестве живая жизнь, а не в размышлениях над ней. «Я», - говоришь ты и гордишься этим словом, - восклицает Ницше. – Твое тело и его великий разум...не говорят «я», но делают «я» [4]. И надо было просто жить. Молчание порой скажет больше, чем придуманная подробная схема.

Можно назвать еще одну причину такого неприятия гениев людьми. По сути, Достоевский и Ницше в какой-то мере «перестают» быть людьми. Они идут к мечте, изменяя себя. Это изменение – изменение своей человеческой сущности, как ее воспринимают остальные. Люди мечтают о рае, но ни за что не пойдут туда. «Странное и чудесное дело: утратив всякую веру в бывшее счастье, назвав его сказкой, они до того захотели быть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали перед желанием сердца своего, как дети, обоготворили это желание, настроили храмов и стали молиться своей же идее, своему же «желанию», в то же время вполне веруя в его неисполнимость и неосуществимость его, но со слезами обожая его и поклоняясь ему» [2, С.796]. Желать того, что заведомо сочли недостижимым, говорить, но не делать – вот порок человека, против которого протестовали мыслители. Рай для человека недостижим, а Достоевский и Ницше уже в нем, поэтому они не люди, сами люди принять их не могут, как не могут принять возможность самого рая. И между ними возникает как бы невидимая граница абсолютного непонимания и отторжения. Ницше хотел жить «по ту сторону» всего, всех противоречий, но в жизни получилось, что Ницше (и Достоевский вместе с ним) жил по одну сторону, а остальные – по другую. Толпа не принимает гениев, которые могут сказать Новое Слово, как будто они переступили некую грань, за которую толпа не пойдет, она засмеется, хотя будет вечно смотреть с тоской на этот мир за гранью.

Именно этот смех толпы можно расценить как бегство от жизни. Смех в том смысле, в каком он понят здесь – это театр. Но театр вместо жизни и для Ницше, и для Достоевского недопустим. Саму жизнь они пытались донести до остальных, полную, яркую, настоящую, заменить мертвые ценности *жизнью*, а смех – мертв по своей сути. Он противится самой жизни, не дает человеку быть самим собой. Усмеаясь, человек

ущемляет и сжимает себя сам, не давая ничему новому проникнуть в жизнь. Этот смех-усмешка, отсутствие веры в то, что кажется невозможным, сковывает человека, не дает ему быть свободным. Ведь свобода и есть отсутствие невозможного. А люди бегут от свободы, бегут от самой жизни.

Это неприятие нового граничит со страхом перед неизвестным. Поэтому, пользуясь огромным числом своим перед одним «смешным человеком», толпе легче посмеяться, чем перебороть свой страх - страх, что новое сломает рамки привычной жизни. Но что происходит спустя какое-то время? Новое, которого боялись раньше, становится самой привычной жизнью. Происходит усвоение того знания, которое не принимали всерьез еще недавно. Сегодня проблемы, которые поднимали Достоевский и Ницше считаются актуальными, их авторы признаются гениями. Бывшие некогда смешными, эти люди становятся почитаемыми все большим количеством людей. Сумасшедшие становятся гениями. Уже сейчас это можно увидеть в большей или меньшей степени на примере Достоевского и Ницше, которые опять же в этом смысле повторяют судьбу Иисуса. Уважение и интерес постепенно оттесняют смех на второй план.

Рай невозможен для людей таким, каким его понимает христианство, каким он показан во «Сне смешного человека». Но и Достоевский, и Ницше говорили, что рай нужно найти здесь, на земле, нужно найти его в себе самом – это и будет полнотой жизни, полнотой ощущений, полнотой свободы и любви. «Если я человек, и еще не нуль, и пока не обратился в нуль, то живу»[2, С.784]...и могу изменить хотя бы себя, чтобы стать Человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. - М.: 2004.
2. Ф.М.Достоевский. Сон смешного человека //
- Ф.М.Достоевский. Post Scriptum. - М.: 2007.
3. Ф.Ницше. Антихрист // Ф.Ницше. По ту сторону добра и зла. Минск: 2007.
4. Андрей Белый. Фридрих Ницше // Андрей Белый. Символизм как миропонимание. - М.: 1994.